

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ ВОСТОКОВЕДЕНИЯ
Санкт-Петербургский филиал

На правах рукописи

Дмитрий Александрович
БРАТКИН

**Римский судебный протокол по данным папирологии
как источник для изучения раннехристианской истории
(на материале Деяний Апостолов)**

Специальность 07.00.09
«Историография, источниковедение и
методы исторического исследования»

АВТОРЕФЕРАТ
диссертации на соискание ученой степени
кандидата исторических наук

Санкт-Петербург
2008

Работа выполнена в секторе Древнего Востока Санкт-Петербургского филиала Института Востоковедения РАН.

Научный руководитель: доктор исторических наук
Ирина Алексеевна ЛЕВИНСКАЯ

Официальные оппоненты: доктор исторических наук,
член-корреспондент РАН
Аскольд Игоревич ИВАНЧИК
(Центр сравнительного изучения
древних цивилизаций при Институте
всеобщей истории РАН);

кандидат исторических наук, доцент
Анастасия Петровна БЕХТЕР
(медицинский факультет Санкт-
Петербургского государственного
университета)

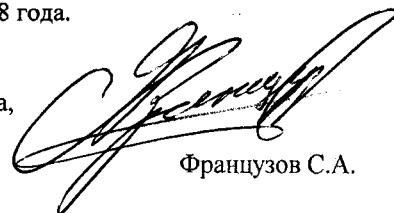
Ведущая организация: Российский государственный гуманитарный университет (г. Москва).

Защита состоится 24 октября 2008 года в 11 часов на заседании Диссертационного совета Д 002.041.01 при Санкт-Петербургском филиале Института востоковедения РАН по адресу: 191186 Санкт-Петербург, Дворцовая наб., д. 18.

С диссертацией можно ознакомиться в библиотеке Санкт-Петербургского филиала Института востоковедения РАН.

Автореферат разослан «23» сентября 2008 года.

Ученый секретарь Диссертационного совета,
кандидат исторических наук

Французов С.А.

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА ИССЛЕДОВАНИЯ

Актуальность темы. Исследование Деяний на фоне их эллинистического, римского и еврейского контекста переживает ныне в западной, прежде всего, англоязычной науке новое рождение; тем не менее, несмотря на впечатляющие успехи контекстуального метода, остается столь же впечатляющий массив пока не освоенного материала – судебных папирусов римского времени, происходящих из Египта. Первые попытки исследовать Деяния Апостолов на фоне этого корпуса источников датируются началом XX в., однако по-настоящему дискуссионной эта тема стала лишь в середине 1990-х гг.: Б. Уинтер, основываясь на систематической и аргументированной разработке вопроса, указывал на существенное сходство между речами Тертулла и Павла в Деян 24 с одной стороны, и риторическими конструкциями в папирусных прошениях и судебных протоколах с другой.¹ С. Браун, напротив, провозглашал полное отсутствие любых точек соприкосновения между Деяниями и судебными папирусами.²

Новизна исследования. Как в отечественной, так и в зарубежной науке имеются лишь краткие и предварительные разработки тем, поднятых в настоящей диссертации. Литература, связанная с интерпретацией Деяний Апостолов в контексте римских судебных протоколов, скудна; отсутствует и фундаментальное источниковедческое введение в этот корпус источников.

Источники. В работе использованы два вида источников: литературные и документальные. К первой группе относятся Деяния Апостолов, а также иная новозаветная и раннехристианская литература (к примеру, «Канон Муратори»). Второй самостоятельный круг источников составляют римские судебные протоколы, обнаруженные среди египетских папирусов. В настоящее время известно более таких 250 документов, датируемых временем от III в. до н.э. до середины VII века н.э., из которых около 20 папирусов относятся к I в. н.э., а около 140 – ко II в. н.э.; за пределами Египта обнаружено пять протоколов II-III

¹ Winter, B.W. Official Proceedings and the Forensic Speeches in Acts 24-26 // The Book of Acts in Its Literary Setting. Grand Rapids, Carlisle, 1993. P. 305-336.

² Brown, H.S. Paul's Hearing at Caesarea: A Preliminary Comparison with Legal Literature of the

вв. н.э. Несмотря на более чем столетнюю источниковедческую работу, этот корпус документов остается недостаточно изученным. Пионером в изучении этих документов был У. Вилькен (Wilcken), влиянием которого объясняется кратковременный всплеск интереса к протоколам в первой трети XX в. После смерти Вилькена интерес к судебным папирусам практически угас: единственным на протяжении последующих десятилетий исследованием стала монография Р. Коулза,³ в которой тот систематизирует накопленный к тому времени материал и делает первые шаги в исследовании формуляра судебных протоколов.

Естественным *terminus post quem* при отборе источников является 30 г. до н.э., когда Египет оказался под властью Рима, однако самый ранний из сохранившихся римских документов (Р.Оху. 37) датирован 49 г. н.э. Теоретическим *terminus ad quem* могло бы стать окончание собственно римского периода в истории Египта (395 г. н.э.); вместе с тем, следует учесть, что исходной точкой моего исследования является предположение о возможном знакомстве автора Деяний с тем типом римского судебного протокола, который существовал во второй половине I в. н.э. (относительно коротким документом, генетически связанным с записью в *ἰπομνηματισμοί* — официальном служебном журнале римского чиновника). Чтобы подтвердить или опровергнуть эту рабочую гипотезу, необходимо сопоставить судебные сцены Деяний с формуляром подобных протоколов. Последний, в свою очередь, сохраняет свою устойчивость в течение всего II в. н.э., однако уже в первой половине III в. мы встречаем существенные отклонения от этого стандарта (так, появляются протоколы с латинской рубрикой или документы чрезвычайной длины), которые хронологически совпадают с важными изменениями в оформлении *ἰπομνηματισμοί* (подробнее об этих документах см. ниже, Приложение I, раздел I, § 1). Дальнейшее развитие этих тенденций приводит к появлению ранневизантийского судебного протокола, который по многим важным признакам существенно отличается от римско-

го, и именно в III в. н.э. мы впервые фиксируем появление подобных отличий. Учитывая это, в настоящей диссертации представляется уместным сузить для нашего корпуса временные рамки источников и ограничиться лишь документами I–III вв. н.э.

Цели и задачи исследования. В силу известных причин корпус наших источников составляют документы, происходящие главным образом из Египта.⁴ Это обстоятельство заставляет нас при определении формальных черт, присущих римскому судебному протоколу, основываться прежде всего на документах, происходящих из Египта. В науке XIX — первой половины XX в. господствовала гипотеза об исключительном положении (*Sonderstellung*) этой провинции среди прочих областей римского Востока. В последние три десятилетия, напротив, все большее число ученых привлекает свидетельства египетских источников при исследовании иных грекоязычных провинций Империи. Нельзя не отметить, что в обоих случаях суждение исследователей основывается скорее на предположениях, нежели на строгих доказательствах, получить которые можно лишь в результате сопоставления данных, полученных из египетских документов, с той картиной, какую рисуют внеегипетские источники.

Подобное исследование может быть проведено на материале судебных протоколов. С установлением римского владычества хронологически совпадает существенный сдвиг в формуляре судебного отчета — его объемы уменьшаются, изменяется и синтаксическое оформление речей. Сравнение ближневосточных и малоазийских свидетельств II–III в.⁵ с современными им египетскими говорят о том, что в этот период судебные протоколы на всем римском Востоке

Roman Period // Society of Biblical Literature Seminar Papers. 1996. P. 319–332.

³ Coles, R. Reports of the Proceedings in the Papyri. Bruxelles, 1966.

⁴ Полный список всех ближневосточных внеегипетских папирусов, известных к середине 1990-х гг. см.: Cotton, H.M., Cockle, W.E.H., Millar, F.G.B. The Papyrology of the Roman Near East: A Survey // Journal of Roman Studies. 1995. Vol. 85. P. 214–235. Здесь приведены сведения о 609 внеегипетских папирусах (к их числу следует добавить небольшое количество документов, найденных в Нубии, Италии, Греции и Румынии), в то время как Duke Database of Documentary Papyri включает в себя обнаруженные в Египте папирологические источники, опубликованные более чем в 500 томах (см.: <http://odyssey.lib.duke.edu/papyrus/texts/DDBDP.html>).

⁵ P. Berol 21652 = SB XII 11043, 152 г. н.э.; P. Mur 113, вторая пол. II в. н.э.; SEG XVII 759, 216 г. н.э., SEG XIII 625, 213–237 гг. н.э., P. Dura 128, около 245 г. н.э.

составлялись по единому образцу. Однако параллельных документов для I в. н.э. пока не найдено, и это обстоятельство оставляет место сомнениям. Очевидно, что проверить гипотезу о единстве протокольного формуляра можно лишь привлекая новые свидетельства, относящиеся к I в. Существуют ли точки соприкосновения между судебными повествованиями в Деяниях Апостолов и формуляром римского протокола? Количество судебных описаний, содержащихся Деян 16-26, их важность в контексте всего повествования, точность Луки в передаче географических, политических и иных реалий I в., а также уникальный статус Деяний как источника по истории провинциальной *cognitio extra ordinem* делают такое исследование вполне закономерным. Отрицательный ответ на поставленный вопрос будет, по всей вероятности, означать, что Лука либо не знал подлинной документации такого рода, либо стремился избегать всего, что могло ассоциироваться с формально-стереотипными оборотами протоколов. Впрочем, теоретически возможно и третье объяснение: вне Египта существовали протоколы, резко отличные от египетских, и автор Деяний адекватно передает их формуляр, однако в отсутствие сравнительного материала это остается не более чем предположением.

Если же формализм позволит выявить систематические совпадения между текстом Деяний и формуляром египетских судебных протоколов, это обстоятельство будет иметь последствия как для римского юридического источниковедения, так и для историко-критического исследования Нового Завета. Поскольку близость формулировок в папирусах и судебных описаний в Деяниях будет свидетельствовать о знакомстве Луки с тем типом протокола, который был зафиксирован в египетских папирусах, правомерно будет прийти к выводу о том, что —

(1) либо автор Деяний по роду своих занятий был хорошо знаком с формуляром протокола и в описании судов проявляются его профессиональные навыки;

(2) либо он имел доступ к подлинным процессуальным документам и положил их в основу своего повествования.

В любом случае, совпадения между судебными повествованиями Деяний и процессуальными отчетами I века н.э. будут означать, что в существенных своих чертах стандарт судебного протокола в Ахайе, Македонии или Иудее совпал с известными нам египетскими образцами. Таким образом будет подтвержден тезис о единообразии протокольного формуляра по крайней мере на всем востоке Империи,⁶ а дискуссия об источниках Деяний получит новый толчок.

Методика исследования. Для анализа текста Деяний применяется историко-критический метод, являющийся стандартным инструментом современной библеистики. Основным методом, позволяющим выделить формуляр судебного протокола, основываясь на исследовании большого количества единообразных документов, является метод «критики формы» или «анализа формы». Начиная с XVII в., он является одним из основных методов, используемых в дипломатике для определения формуляра актов и документов. Классический образец подобного исследования в папирологии мы находим в диссертации Ф.К. Экслера⁷, который продемонстрировал возможности формально-критического анализа, позволяющие вычленять жанровые формы, внедренные в текст документа, и определять их функциональную нагрузку.

Практическая значимость работы. Результаты проведенного в диссертации формально-критического анализа смогут оказаться полезными при изучении многих сюжетов античной истории и культуры. Помимо собственно истории римского права и процесса, они могут представлять интерес для исследователей, занимающихся Новым Заветом, раннехристианской историей, античной литературой и в особенности так называемыми «актами александрийских мучеников». Материалы и выводы диссертации могут быть использованы при создании

⁶ Определить протокольный формуляр на западе Империи трудно. В отсутствие папирологического материала свидетельствовать о нем могут, к примеру, некоторые мученические акты: по-видимому, *Passio sanctorum Scyllitanorum* (дата судебного заседания — 180 г.) и *Acta proconsularia sancti Cypriani* (соответственно, 257 г.) находятся ближе всего к исходному судебному отчету (*Musurillo, H.J. The Acts of the Christian Martyrs. Oxford, 1972. P. xxii*). Оба этих текста демонстрируют черты сходства с современными им греческими протоколами.

⁷ *Exler, F.X. The Form of an Ancient Greek Letter: A Study in Greek Epistolography. Washington, 1923.*

обобщающих трудов по востоковедению, истории греко-римского Египта и Ближнего Востока, источниковедению ближневосточной и античной истории и римского права, религиоведению, истории раннего христианства, а также при разработке лекционных курсов в высших учебных заведениях, при написании учебных пособий, в научно-популярной литературе и публицистике.

Апробация результатов. Основные положения диссертации докладывались на конференциях и семинарах, проводившихся в Санкт-Петербургском государственном университете (исторический, философский и филологический факультеты; 1999-2003), Государственном музее истории религии (1999, 2002, 2003), на конференции памяти А.Д. Мачинской (2001), конференции Санкт-Петербургского института истории РАН, посвященной 140-летию Н.П.Лихачева и 100-летию Дома Лихачева (2002), и III Международной конференции по римскому праву (2003), а также на научных заседаниях сектора Древнего Востока СПбФ ИВ РАН.

СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

Диссертация состоит из введения, двух глав, заключения и двух приложений; каждая из перечисленных частей работы, в свою очередь, разделяется для удобства изложения на более мелкие подразделы.

Введение. Во введении перечисляются причины, по которым источниковедческое изучение Деяний остается актуальным для истории как раннего христианства, так и римского провинциального судопроизводства, говорится о цели, задачах и предмете исследования; здесь же находится предварительная характеристика корпуса источников и описание метода «критики формы», который будет применен для исследования римских судебных протоколов.

Глава I. Юридическая компетентность Луки и апологетический характер Деяний. I. Свидетельство «Канона Муратори». Известие «Канона Муратори» (4-5, quasi ut iuris studiosum secundum adsumpsisset) — единственное во всей сохранившейся биографической традиции указание на юридическую компетентность Луки. В этом разделе собраны и проанализированы различные исправле-

ния и интерпретации, предложенные исследователями на протяжении XVIII-XX вв. К первой группе конъектур относятся те, авторы которых полагали, что сочетание *iuris studiosum* в тексте «Канона» возникло из-за ошибки переписчика, и предлагали радикальные исправления латинского текста (van Gilse, Hort, Bunsen, Harnack [1897], Zahn, Cadbury, Büchler, Lietzmann, Laurent). Другие исследователи сохраняли рукописное чтение или предлагали минимальные грамматические исправления, но при этом изменяли смысл выражения, зачастую предполагая, что латинский переводчик не понял или неудачно перевел греческий оригинал (de Magistris, Routh, Credner/Volkmar, Tregelles, Jaquier, Zimmermann, Hesse, Lagranges, Ehrhardt, Leaney). Некоторые ученые доказывали необходимость понимать *iuris studiosum* в терминологическом значении — «юрист-практик» (Freindaller, Aberle, Stekhoven, Kuhn, Harnack [1903], Hilgenfeld, Глубоковский). При этом лишь немногие авторы пытались обосновать свой вывод о юридической компетентности Луки анализом текста Лк и Деян (König, Николин). Ни одна из конъектур не подкрепляется убедительными доказательствами; более того, вплоть до конца 1970-х гг. нельзя было определить, на каком этапе могла произойти гипотетическая ошибка: присутствовало ли чтение *iuris studiosum* в первоначальном тексте памятника или оно обязано своим появлением небрежности писца, копировавшего латинский текст «Канона». Лишь недавно Ж. Лемарие (Lemarié) обратил внимание исследователей на известие Хромация Аквилейского (начало IV в.; ...[Lucas] quia eruditissimus legis erat quippe qui comes apostoli Pauli in omnibus fuit). Как показал Лемарие, этот пассаж парафразирует «Канон Муратори»; из этого следует, что традиция о Луке как «знатоке закона» восходит как минимум к IV веку и соответствующая ремарка присутствовала либо в греческом оригинале «Канона», либо в одном из его латинских переводов, доступных Хромацию.

Подробный анализ термина *iuris studiosus*, основанный на примерах его употребления у латинских авторов (Светония, Nero 32, 2; Авла Геллия, Noct. Att. 12, 13, 1), римских юристов (Юлий Павел: D., 1, 22, 1; 50, 13, 4; Ульпиан: D., 48, 19, 9, 4) и в надписях (CIL 6.33868; 10.569; 3.2936; 12.5900; 12.3339;

8.18348 и др.), показывает, что *iuris studiosus* является одним из технических терминов, использовавшихся для обозначения профессионального юриста. Аргументация тех ученых, кто видел в *ius* «Канона Муратори» указание на иудейское, но не римское право, и ссылаясь в доказательство своей точки зрения на соответствующие пассажи из Ювенала (Sat. XIV 96-104) и Лактанция (Inst. div. VI.9.1), является неубедительной, поскольку она основана на толковании отдельных слов и не учитывает ни контекста, в котором они употреблены, ни фундаментальной разницы между понятиями *lex* и *ius*. Замена *iuris studiosum* на *eruditissimus legis*, которую мы находим у Хромация Аквилейского, также не способна повлиять на решение этой проблемы, поскольку этот текст позволяет истолковать *lex* в значении и римского, и иудейского закона. Смысл оговорки *quasi ut*, которой сопровождается сообщение о Луке как юристе, допускает двойное толкование: (1) Лука мог быть назван юристом метафорически (ср. спектр значений русского слова «законник») или (2) он мог исполнять при Павле функции юриста, не являясь таковым в действительности. К сожалению, в науке пока отсутствует исследование, которое позволило бы однозначно решить этот вопрос, однако анализ этой оговорки в рамках римской юридической терминологии, проведенный Везенером (Wesener), склоняет ко второму варианту.

Рассматривая вопрос о наиболее вероятном греческом оригинале рассматриваемой фразы, я прихожу к выводу, что за латинским обозначением *iuris studiosus*, по всей вероятности, скрывается греческий технический термин *νομικός*, надежно зафиксированный в литературных источниках, надписях и папирусах, а также подтверждаемый параллельным свидетельством Хромация Аквилейского. Прочие предложенные варианты либо не являются точным эквивалентом латинского термина (*ὡς συγγράμμιος*: Stekhoven), либо представляют собой искусственную конструкцию (*δευτεραγωμιστής*: Hilgenfeld), не засвидетельствованную в источниках. Таким образом, существуют самые серьезные основания полагать, что, по мнению составителя «Канона Муратори», Лука исполнял при Павле обязанности профессионального юриста (адвоката?).

II. Деяния Апостолов как судебная апология. Здесь рассмотрена неоднократно предлагавшаяся гипотеза, согласно которой Евангелие по Луке и Деяния Апостолов представляют собой судебную апологию, составленную специально для защиты Павла перед судом Нерона (Neumann, Aberle, Still, Sahlin и др.). Наивысшего своего расцвета эта гипотеза достигла в работах Д. Плооя (Plooi); изложив его аргументы, я рассматриваю доводы критиков, которые справедливо упрекали ученого в натяжках, произвольных допущениях в интерпретации Деяний и неверных истолкованиях многих римских реалий. Эта гипотеза рушится в случае, если мы принимаем более позднюю из возможных датировок Деяний (80-85 гг., т.е. через два десятилетия после суда над Павлом), и немало не объясняет причин, по которым значительное место в Лк и Деян занимает информация, не представляющая особого интереса в контексте судебного разбирательства. По-видимому, Лука стремился оказать влияние не столько на Нерона и его приближенных, сколько на более широкую аудиторию, состоявшую из самых разных людей, и все попытки доказать обратное пока не подкреплены убедительными доказательствами.

Глава II. Судебные описания в Деяниях апостолов. I. Суд над Иисусом в Евангелии по Луке. Учитывая смысловое и композиционное единство обеих частей двухтомного сочинения ad Theophilum — Евангелия по Луке и Деяний Апостолов — исследование судебных эпизодов, находящихся в Деян 16-26, уместно начинать с того, как Лука описывает суд над Иисусом; при этом выделение наиболее характерных особенностей Лк облегчает наличие трех параллельных повествований — Мк, Мф и Ин.

§ 1. Суд над Иисусом в описании Марка, Матфея и Иоанна. В трактовке Мк к Пилату приводят Иисуса, который уже осужден синедрионом (Мк 14:64), и суд римского наместника изображен как цепь безуспешных попыток освободить Иисуса — для Марка в центре внимания оказывается спор между Пилатом и толпой о судьбе Вараввы и Иисуса. Описание римского суда практически не имеет точек соприкосновения с формуляром папирусных протоколов. В описании римского суда Матфей следует Марку. Особым редакторским приемом

Матфея является усиление повествования за счет различных подробностей и уточнений (Мф 27:11-12; 27:19; 27:24 и др.); Матфей, в отличие от Марка, прямо не называет Варавву «разбойником». В целом же в обоих евангелиях не прослеживается сходства между авторским текстом и судебным протоколом. Иоанн, с одной стороны, единственным из всех четырех евангелистов сообщает детали, содержащиеся обычно во вводной формуле протокола: место и время суда (Ин 18:28), и, подобно Луке, *expressis verbis* цитирует вердикт (Ин 18:38). Особого внимания заслуживает диалог между обвинителями Иисуса и Пилатом (Ин 18:28-31), в котором обсуждается суть обвинения и полномочиях синедриона. С другой стороны, Иоанна явно не интересует юридическая сторона дела, ибо действия префекта изображаются как цепь безуспешных попыток освободить подсудимого. Кроме того, оправданием и освобождением Иисуса Пилат пытается исполнить Пасхальное помилование, что вызывает отпор толпы и требование отпустить Варавву (Ин 18:38-40).

§ 2. Суд над Иисусом в описании Луки. Существует несколько кардинальных отличий Луки от других евангелистов. Во-первых, сцена иудейского суда отсутствует: целью единственного заседания синедриона было не осуждение Иисуса, но поиск оснований для того, чтобы обвинить Иисуса перед римским префектом (Лк 22:66-71) — поскольку синедрион не имел права выносить смертных приговоров, противникам Иисуса оставалось лишь добиваться, чтобы последнего осудил на смерть Пилат. Рассказ Луки о римском суде строится в соответствии со стандартом папирусных протоколов: открывает суд четкая формулировка обвинения: «Этот человек возмущает наш народ: запрещает платить налоги кесарю и называет себя Христом царем» (Лк 23:2), которая включает в себя одно обвинение с последующим его уточнением (подстрекательство к мятежу состоит в призывах к неуплате налогов и претензиях на царское достоинство). Ответ евангелиста на эти обвинения уже дан в двух эпизодах (Лк 20:20-26 — перикопы о динарии кесаря; 19:28-44 — вход в Иерусалим: Лука изображает его политически нейтральным актом).

В трактовке Луки заметны существенные различия с параллельными расска-

зами. Пилат вначале оправдывает Иисуса (Лк 23:4), после чего направляет дело на рассмотрение Ирода Антипы (Лк 23:7) как эксперта — подобная практика зафиксирована в судебных папирусах римского времени. Возвращение Иисуса Иродом приводит ко второму оправдательному вердикту (Лк 23:14-16), однако после *fustes* — легчайшей формы бичевания — префект предлагает толпе Иисуса как кандидата на Пасхальное помилование и вступает с толпой в переговоры (Лк 23:17-25). Кандидатами на освобождение оказываются, таким образом, уже дважды оправданный Иисус и Варавва, который у Луки прямо назван мятежником (Лк 23:19). Резюмируя рассказ, Лука формулирует инвективу против Пилата (троскратное возвращение к одному и тому же делу после произнесения вердиктов в Лк 23:4, 16, 22, а также потакание толпе, Лк 23:25), однако она становится понятной лишь для читателя, знакомого с римской судебной практикой. Повествование Луки находит наибольшее количество параллелей в папирусных протоколах. Только у Луки мы находим четкую формулировку обвинения — обязательную деталь судебного отчета (Лк 23:2); вслед за обвинением слово предоставляется подсудимому (Лк 23:3), за которым немедленно выносится вердикт (Лк 23:4).

II. Филиппы, Фессалоника, Коринф. В этом разделе исследуются судебные описания, которые мы находим в Деян 16-18. Каждому из трех эпизодов посвящен отдельный параграф, который, в свою очередь разделяется на три стереотипных части: (I) содержание эпизода, (II) основные вопросы его интерпретации в науке XVIII -XX вв., (III) наличие формальных черт, сближающих этот отрывок с формуляром римских судебных протоколов. Выводы исследования могут быть представлены так:

§ 1. Арест в Филиппах (Деян 16:19-24, 35-40). Этот эпизод отличается от всех прочих судебных описаний Деян тем, что лишь здесь обвинителями Павла прямо названы римские граждане, которые, по-видимому, не имеют отношения к иудейской общине города. Согласно тексту Деяний, всякий раз, когда Павел и его спутники направлялись в иудейскую молельню, за ними следовала некая рабыня, одержимая «духом-Пифоном»; ее непрерывные крики раздражают

Павла, и он изгоняет духа (Деян 16:18). Поскольку служанка с помощью своего необычного психического состояния приносила значительный доход своим хозяевам (Деян 16:16), те понимают, что «ушла надежда на заработок», и, схватив Павла и Силу, ведут их на суд дуумвиров, возглашая: «эти люди возмущают наш город, поскольку являются иудеями, и вводят обычаи, которые нам, римлянам, нельзя принимать или исполнять» (Деян 16: 20-21). Между причиненным ущербом и предъявленным обвинением присутствует несомненное зияние: Лука дважды подчеркивает, что экзорцизм принес владельцам одержимой служанки ощутимый финансовый урон (Деян 16:16, 19), однако не объясняет, отчего имущественные претензии нисколько не были упомянуты в судебном заседании. Многие исследователи предполагали, что политическое обвинение было выдвинуто ввиду невозможности вменить миссионерам в вину экзорцизм как таковой (Haehchen, Rapske), однако прямых аргументов в пользу этой догадки не приводили. Более скептически настроенные историки считали литературной конструкцией рассказ об изгнании духа-Пифона (Lüdemann) или отказывали в историчности политическим обвинениям (de Vos). Для решения этого вопроса я привлекаю известие римского юриста Вивиана (конец I в. н.э.), свидетельствующее, что дивинацию — особое состояние психики, при котором человек впадал в религиозный экстаз и начинал предсказывать будущее — римские юристы считали недостатком, существенно снижавшим качество раба; следовательно, владельцы служанки, из которой Павел изгнал «духа-Пифона» и тем самым повысил ее стоимость, не могли вчинить имущественный иск против апостолов. Описание ареста и полицейской расправы в Филиппах (Деян 16:19-24; 35-39) может быть лишь по смыслу выделено из общего повествования о пребывании апостолов в этом городе. Хронологические рамки судебного описания в Деян 16 значительно шире, чем в протоколе; они включают в себя события, предшествовавшие разбирательству, и последовавшие за ним. Помимо предъявления обвинений (Деян 11-21) и назначения наказания (Деян 16:22-23) описаны условия, в которых содержались апостолы (Деян 16:24) и обстоятельства их освобождения (Деян 16:35-39). Имена обвинителей в этом рассказе от-

сутствуют, судьей Лука называет то неопределенно-общим словом *ἄρχοντες* (Деян 16:19), то более точным термином *στρατηγοί* (Деян 16:20). Кульминацией всего повествования является вставная новелла об обращении тюремщика, прерывающая рассказ об аресте и заключении миссионеров; последний, в свою очередь, неотделим от описания экзорцизма, совершенного Павлом (Деян 16:16-18). Наконец, этот эпизод предварен формулой *ἐγύετο δέ*, имитирующей язык Септуагинты, и представляет собой один из так называемых «“мы”-отрывков», в которых повествование ведется от первого лица множественного числа. Таким образом, рассказ об аресте в Филиппах демонстрирует чрезвычайно мало черт, сближающих его с судебным протоколом, но при этом является наиболее литературно обработанным среди всех судебных описаний в Деяниях.

§ 2. Инцидент в Фессалонике (Деян 17:5-9). В Фессалонике Павлу противостоят члены местной иудейской общины. Их недовольство успехом его проповеди перерастает в возмущение: иудеи, собрав чернь, приходят к дому Иасона (жителя Фессалоники, принявшего в своем доме Павла), чтобы схватить миссионеров. Не отыскав нужных лиц, толпа схватывает хозяина дома и «некоторых из братьев» (т.е. христиан) и ведет их на суд политархов — городских магистратов, обладавших административными и полицейскими функциями. Обвинения против христиан и Иасона изложено в Деян 17:5а: «вот те, кто приводит всю вселенную в возмущение, они и сюда добрались, и их принял к себе Иасон». Эта формулировка сразу же уточняется: «возмущение всей вселенной» заключается в том, что все христиане поступают вопреки императорским постановлениям и называют царем другого (Иисуса). По сравнению с обвинениями, предъявленными апостолам в Филиппах, формулировка, вложенная в уста фессалоникских иудеев, содержит несколько важных изменений, которые намечают линию позднейших обвинений против христиан. Во-первых, обвинение выдвинуто не только против Иасона и «братьев» приведенных на суд к политархам, но и против отсутствующих на суде миссионеров и даже всех христиан в совокупности (ср. Деян 17:6b). Во-вторых, христианам вменено в вину неис-

полнение императорских установлений и *crimen maiestatis*, а также измена. Реакция судей на это обвинение оказывается странной: λαβόντες τὸ ἱκανὸν παρὰ τοῦ Ἰασόνος καὶ τῶν λοιπῶν ἀπέλυσαν αὐτοὺς (Деян 17:9; «взяв залог от Иасона и остальных, отпустили их»). Несоответствие предъявленных обвинений вынесенному решению вызвало оживленную дискуссию среди исследователей, пытавшихся так или иначе объяснить суть «залога». Все предложенные интерпретации, на мой взгляд, неудовлетворительны, ибо они исходят из ошибочного предположения о том, что внесение залога положило конец судебному разбирательству. Опираясь на известия папирусов (P.Oxy. 294; P.Oslo 17; P.Hamb. 4; P.Mil.Vogl. 25 и др.) я доказываю, что речь в данном случае идет о переадресовании иска проконсулу Македонии; при этом, учитывая 1 Фес 2:14-15; 4:13-18 можно предположить, что тот осудил кого-то из христиан на казнь. Описание инцидента в Фессалонике также лишь по смыслу может быть выделено из общего контекста. Внутренняя отсылка к рассказу о суде над Иисусом, формулировка выдвинутых против того обвинений и полемика с ними отличают этот эпизод от всех остальных судебных повествований в Деяниях. Точек соприкосновения с формуляром папирусных протоколов в данном отрывке чрезвычайно мало. Можно сказать, что Луку более интересуют описание всех внешних обстоятельств разбирательства, нежели точная передача всех слов, произнесенных в этом заседании. Непосредственно от судебного описания сохранена лишь формулировка обвинения, построенная в соответствии с Лк 23:2-3, и решение политархов, переданное в третьем лице (Деян 17:9), так что о ходе судебного разбирательства и его характере мы можем судить лишь по косвенным данным.

§ 3. Суд Галлиона (Деян 18:12-16). Отчет о суде Галлиона изолирован внутри рассказа о пребывании Павла в Коринфе и по своему объему близок папирусным протоколам. Деян 18:12 повторяет структуру преамбулы к судебным протоколам, отличаясь лишь тем, что указание на место слушаний не предшествует именам тяжущихся, но следует после них. По своей редакторской манере Лука в данном случае близок составителю папируса SPP XXII (1922) 184 (=

SB XVI 12685, около 140 г. н.э.); а в целом Деян 18:12-18 по своим внешним особенностям и внутренней логике юридической аргументации демонстрирует близость с P.Cattaoui^{тест}, стк. 5-13 (= BGU 114 I, 117 г. н.э.).

III. Кесарийский процесс и апелляция Павла. В рассмотрении судебных эпизодов Деян 21-26 я следую структуре изложения, описанной выше. Основные выводы исследования таковы:

§ 1. Арест Павла и расследование Клавдия Лисия (Деян 21:27-23:25). Как видно из P.Oxy. 3074 (III в. н.э.), протоколы дознания следовали формуляру судебных отчетов. Рассказ об аресте Павла в Храме и расследовании, проведенном Клавдием Лисием (Деян 21:27-23:25), не имеет точек соприкосновения с судебными папирусами. Синтаксические структуры, которые теоретически могли бы быть сопоставлены с формальными элементами протоколов (например, *genitivus absolutus*, Деян 21:31), носят слишком общий характер, чтобы на их основе можно было говорить о совпадении каких-либо формальных черт в повествовании Деяний и папирусных протоколах. Характер изложения и внутренние свидетельства текста также говорят о том, что Деян 21:27-23:25 не могут восходить к *commentarii* Клавдия Лисия. Каждый эпизод в этом повествовании насыщен подробностями вопреки общей для *ὑπομνηματισμοῦ* тенденции к предельной лаконичности в записях и опущению деталей, не имеющих отношения к сущности рассматриваемого дела.

§ 2. Письмо Клавдия Лисия (Деян 23:26-30). С формальной точки зрения письмо Клавдия Лисия (Деян 23:26-30) удовлетворяет основным требованиям официальной эпистолографии. Выражение ἔχουσαν τὸν τύπον τοῦτον (Деян 23:25), судя по свидетельству папирусов P.Flor. 278 (203 г. н.э.) и P.Col.Youtie 66 (= P.Oxy. 3366, = NewDocs I 26; 253-260 г. н.э.), является техническим термином и может указывать на то, что письмо Клавдия Лисия является подлинным документом, инкорпорированным в текст Деяний. Наконец, сопоставление этого отрывка с эпистолярными (журналами исходящей корреспонденции) римских командиров (P.Flor. 278, 203 г. н.э.; P.Dura 66, 216 г. н.э.) дает основания предположить, что Клавдий Лисий мог написать свое обращение к прокуратору

Иудеи не на латыни, как предполагали некоторые ученые, но на греческом языке.

§ 3. Принятие дела Феликсом (Деян 23:31-35). Для этого эпизода прямые папирусные параллели подобрать трудно, поскольку в Египте принятие дела префектом обычно сопровождалось назначением *iudex delegatus*. Среди судебных протоколов коллизии, связанные с неявкой обвинителя, редки; к их числу относится ситуация, зафиксированная в прошении Р.Оху. 486 (131 г. н.э.)

§ 4. Суд Феликса (Деян 24:1-23). В этом отрывке Деяний содержатся два судебных эпизода: в Деян 24:1 Феликс принимает письменную жалобу, поданную иудеями, а в Деян 24:2-23 мы видим собственно отчет о судебном разбирательстве. Рассмотрение иска начиналась с подачи истцом письменной жалобы, которая, по свидетельству Ульпиана (D., 48, 2, 7, pr-1), составляла неременное условие судебного разбирательства. Копия поданного прошения передавалась ответчику и служила вызовом на суд — о такой практике прямо говорит нам папирус Р.Оху. 3464 (54-60 г. н.э.). Отчет о суде Феликса (Деян 24:2-23) демонстрирует наибольшее количество совпадений между текстом Деяний и формуляром протоколов. Строение преамбулы (Деян 24:1-2) находит многочисленные параллели в судебных папирусах. Структура этого эпизода сбалансирована и гармонична. Преамбула, занимает одно предложение, основанное на формуле κληθέντος X, Y εἶπεν (Деян 24:2). Выступления тяжущихся сторон по своему объему вполне сопоставимы с теми, что сохранились в римских судебных протоколах, по структуре же полностью удовлетворяют требованиям, которые (насколько мы можем судить по риторическим трактатам I в. до н.э.— II в. н.э., а также некоторым папирусным прошениям) предъявлялись к профессионально составленному судебному выступлению. Наконец, решение Феликса сформулировано в одном предложении, что совпадает со средней длиной вердикта в папирусных протоколах. Сохранившаяся в P.Flog. 61 (85 г. н.э.) реплика судьи приглашает ответчика говорить и в этом качестве является параллелью для жеста Феликса, о котором упоминает Лука (Деян 24:10). Одна из интереснейших особенностей процесса, описанного в Деян 24, заключена в том, что

речи обеих сторон содержат особые риторические вступления (*exordia*). Это выделяет описание первого кесарийского суда над Павлом из общей массы судебных протоколов, так как в подавляющем большинстве папирусов *exordia* речей, произнесенных тяжущимися, опущены. Тем не менее, фиксацию *exordia* мы встречаем в трех папирусах I и III вв. (P.Flog. 61; P.Par. 69; P.Mert. 26), из которых важнейшим является P.Flog. 61. Свидетельство этого папируса показывает, что внесение *exordium* в текст протокола фиксируется именно для того периода, когда, по наиболее вероятной датировке, были написаны Деяния.

§ 5. Суд Феста и апелляция Павла (Деян 25:1-12). Описание аудиенции Феста, в которой он дает ответ на прошение, поданное ему «первосвященниками и первыми людьми иудейскими» (Деян 25:1-12), находит прямую параллель в P.Yale inv 1528. Рассказ о суде Феста (Деян 25:6-12) содержит набор обычных для протокольной преамбулы указаний (Деян 25:6) и открывается оборотом *genitivus absolutus* (Деян 25:7). Повествование об этом суде представляет собой скорее набросок, нежели законченный отчет: пересказывается лишь общее содержание обвинений, в то время как выступление Павла передано полностью. Указание же на совещание судьи с ассессорами (Деян 26:12) находит себе параллель в свидетельствах папирусов P.Fouad 23 (63 г. н.э.), Р.Оху. 2757 (слушания датированы 73/74 г.), CPR I 18 (124 г. н.э.), Р.Оху. 3015 (около 120 г. н.э.) P.Cattaoui^{recto} III.18 (= M., Chr. 372) и IV.19-20.

§ 6. Экспертиза Агриппы (Деян 25:13-26:32). В повествовании об экспертизе Агриппы (Деян 25:13-26:32) можно выделить два самостоятельных эпизода: совещание Феста с Агриппой и сессию с участием Павла. Первый эпизод открывается ремаркой (Деян 25:13), которая совпадает с формулировками, присутствующими в папирусах P.Yale inv 1528 (около 63 г. н.э.) и BGU 347 (171 г. н.э.) Это позволяет предположить, что в Деян 25:13 мы сталкиваемся с устойчивой формулой. Для обозначения доклада о деле Павла, сделанного Фестом Агриппе, Лука употребляет конструкцию ὁ Φῆτος ἀνέθετο τῷ βασιλεῖ τὸ κατὰ τὸν Παῦλον (Деян 25:14b; «Фест доложил царю о Павле»), параллелью для которой служит P.Par. 69. III.29. Беседа Феста и Агриппы в Деян 25:13-22 представлена

в виде диалога, выстроенного в прямой речи, что совпадает с обычным формуляром аудиенций. Происходящая на следующий день сессия (Деян 25:23-26:32) является вторым этапом слушаний с участием Агриппы. Рассказ о ней открывается вводной формулой, сочетающей все элементы протокольной преамбулы. Как и в предыдущих эпизодах, многие формальные черты этого рассказа имеют параллели с протоколах (например, ремарка судьи, побуждающего ответчика говорить, Деян 26:1; exordium, Деян 26:2-3; совещание с советниками, Деян 26:31). Заключительная часть повествования, в которой говорится о том, что царь прервал заседание, встав со своего места, может быть сопоставлена с известием Филона Александрийского (Leg., § 350) и свидетельством папирусов P.Aberd. 17 (первая треть II в. н.э.) и P.Tebt. 286 (121-138 г. н.э.; ex copi.). Особо внимания заслуживает то обстоятельство, что при восстановлении фрагментированного протокола P.Tebt. 286 (121-138 гг. н.э.) текст Деян 26:30 идеально восполняет лакуны и соответствует логике описанного в этом папирусе судебного разбирательства.

Заключение. В заключении я суммирую основные результаты работы и прихожу к следующим выводам: черты, сближающие Деяния с папирусными документами, минимальны в повествованиях о полицейской расправе в Филиппах (Деян 16:16-39) и инциденте в Фессалонике (Деян 17:5-9), однако достаточно многочисленны в рассказах о судах под председательством Галлиона (18:12-18), Феликса (Деян 24:1-23), Феста (Деян 25:6-12) и Агриппы (Деян 25:23-26:32), а также об аудиенциях Феста (Деян 25:1-6; 13-22) и в письме Клавдия Лисия (Деян 23:26-30). Наличие параллелей между судебными описаниями в Деян 18; 24-26 и папирусными протоколами можно интерпретировать, используя два прямо противоположных объяснения.

(1) в существующий текст Деян 18, 24-26 инкорпорированы подлинные протоколы судов над Павлом, минимально отредактированные Лукой;

(2) Лука, не обладая подлинными судебными документами, отредактировал соответствующие повествования, основанные на каких-либо (внесудебных) источниках, придав им форму, близкую к протокольной.

Какую бы из двух точек зрения мы ни приняли, ее последствия для юридической папирологии очевидны: был ли Лука историком, цитировавшим подлинные документы, или беллетристом, создававшим литературную реконструкцию, он был хорошо знаком с таким формуляром судебного протокола, который в своих ключевых моментах совпадал с египетским. Это подтверждает тезис о единстве судебного протокола на востоке Империи.

Однако приняв вторую точку зрения, мы окажемся перед вопросом: по каким причинам Лука, искусственно придав протокольную форму рассказам о судах Галлиона, Феликса, Феста и Агриппы, не сделал этого в отношении рассказов об инцидентах в Филиппах и Фессалонике? Особенно разительным выглядит контраст между тремя близкими эпизодами в Деян 16-18, повествующими о трех типологически разных реакциях на обвинения против Павла в трех разных городах. Почему рассказы о произошедшем в Филиппах (Деян 16:16-39) и Фессалонике (Деян 17:5-9) выказывают одинаково ничтожное количество черт, сближающих их с формуляром судебного отчета, в то время как в третьем — описании суда Галлиона (Деян 18:12-16) — мы встречаем их существенно больше? Едва ли можно счесть случайным совпадением то обстоятельство, что рассказы об административном преследовании миссионеров (Филиппы) или предварительном слушании дела с передачей его в более высокую инстанцию (Фессалоника), составлены в свободном (литературном) стиле, а сообщение о суде проконсула Ахайи изобилует канцеляризмами и выказывает столь много черт, сближающих его с протоколами египетских процессов. Предположение о том, что в рассказе о судах Галлиона, Феликса и Феста мы встречаем лишь имитацию подлинных протоколов, не объяснит нам, почему в одних эпизодах Лука столь скрупулезно копирует протокольные конвенции, а в других отказывается от пользования этим литературным приемом.

Возможно ли предполагать, что в основу судебных повествований могут быть положены реальные документы? Для ответа на этот вопрос, очевидно, нужно решить, могли ли подобные материалы быть доступными Луке. Если свидетельство «Канона Муратори» является частью аутентичной традиции и

Лука исполнял при Павле обязанности юридического консультанта или судебного защитника, он, по-видимому, мог получить копии документов из канцелярии проконсула по окончании слушаний. Если же Лука не был непосредственным участником процесса, документы могли быть получены либо от самого Павла, который, вне всякого сомнения, располагал копиями судебных документов, либо из архива провинции Ахайя (второе, впрочем, менее вероятно, если в сенатских провинциях не существовало столь же хорошо налаженной архивной службы, как в императорских).⁸ Поэтому существуют основания предположить, что рассказ о суде Галлиона опирается на подлинный протокол.

Филологический анализ слов ἵνα ἐπιγυῶς περὶ ᾧ κατηχήθης λόγων τὴν ἀσφάλειαν (Лк 1:4) позволяет предположить, что в прологе к Третьему Евангелию может быть заключен намек на документальные источники, положенные Лукой в основу своего сочинения. В этом пассаже ἀσφάλεια противопоставлена информации, которой Теофил уже обладал прежде знакомства с адресованным ему сочинением. Существуют два противоположных взгляда на интерпретацию слов περὶ ᾧ κατηχήθης λόγων. Сторонники первого (Guericke, Богословский, Plummer, Hilgenfeld, Meyer, Flender, Fitzmyer, Marshall, Barrett и др.) видят в слове κατηχήθης намек на христианские наставления, которые могли быть получены Теофилом; основанием для такого истолкования служило употребление глагола κατηχεῖν в Деян 18:25 и его техническое значение в позднейшем церковном лексиконе. Другие ученые (Bleek, Blas, Zahn, Klostermann, Cadbury, Foakes-Jackson/Lake, Ropes, Veeyer, Grant, van Unnik и др.) полагали, что этот глагол употребляется в том же значении, которое мы встречаем в Деян 21:21; 21:24, и указывает на дурные и заведомо неверные слухи. Рассматривая основания обеих точек зрения, можно прийти к выводу, что ссылка на Деян 18:25 как на пример употребления глагола κατηχεῖν для указания на христианские наставления некорректна: Деян 8:26-40 свидетельствует, что подобное словоупотребление Луке было чуждо. Исследование случаев употребления этого гла-

⁸ *Sherwin-White, A.N. Roman Society and Roman Law in the New Testament. Oxford, 1963. P. 106-107.*

гола в литературных и папирологических источниках I-III вв. н.э., показывает, что глагол κατηχεῖν может указывать на систематическое обучение или наставление лишь в действительном залоге, тогда как в различных конструкциях залога страдательного он, как правило, означает «информировать» или «сообщать». Прямую параллель для Лк 1:4 мы встречаем в трактате *De fluviis* (II в. по. Р.Х.), приписываемом Плутарху. Автор этого псевдоэпиграфа многократно употребляет выражение κατηχήθεις περὶ τῶν συμβεβηκότων («услышав о произошедшем»), что подтверждает перевод περὶ ᾧ κατηχήθης λόγων — «...относительно того, о чем ты слышал».

Многие исследователи (Богословский, Blass, Marshall, Goulder, Sneen, Evans, van Unnik, Du Plessis, Bock и др.) считали, что слово ἀσφάλεια (Лк 1:4) выражает теологическую программу, которую можно реконструировать, изучая текст Лк-Деян. Кедбери, напротив, обратил внимание на то, что сочетание γυνῶναι τὸ ἀσφαλές в Деян 21:34; 22:30 не заключает в себе какого-либо иного смысла, нежели «узнать подробности какого-либо неясного или недостоверно описанного события», и подобное значение иллюстрируется Деян 22:24; 23:28 и папирусами P.Giss. 27; P.Sarap. 80 и P.Sarap. 81. Наконец, в Деян 25:26 словами ἀσφαλές τι γράψαι обозначено составление письменного документа, излагающего историю суда над Павлом (*litterae dimissoriae*). Появление τὴν ἀσφάλειαν на месте τὸ ἀσφαλές Кедбери объяснял эмфатическим выделением существительного, стоящего в конце периода. На мой взгляд, появление ἀσφάλεια в Лк 1:4 может быть объяснено тем, что начиная с конца I в. до н.э. это слово, по свидетельству папирусов и литературных источников, приобретает устойчивое техническое значение, становясь официально признанным термином для обозначения любого частно-правового или официального документа. Следовательно, можно предположить, что Лука мог сознательно ввести в Пролог аллюзию на это значение слова ἀσφάλεια, и слова ἵνα ἐπιγυῶς περὶ ᾧ κατηχήθης λόγων τὴν ἀσφάλειαν (Лк 1:1-4), таким образом, могут быть переведены: «...чтобы ты узнал достоверное (= документальное?) основание того, о чем слышал».

* * *

В Деян 23-26 мы видим шесть последовательно расположенных эпизодов, за каждым из которых можно предполагать присутствие официального документа: письмо Клавдия Лисия Феликсу (Деян 23:26-30), слушания под председательством Феликса (24:1-23); аудиенция Феста по жалобе первосвященников (25:1-5); суд Феста (25:6b-12), рассказ Феста Агриппе о суде над Павлом (25:17-21); слушания с участием Агриппы (25:23-26:32). Является ли такое расположение документов случайным с юридической точки зрения и объясняется литературным развитием сюжета Деяний или же оно отражает некую юридическую практику?

Среди римских процессуальных папирусов следует выделить группу «документальные досье», подробно исследованную в Приложении II. Отличительной их чертой является соединение в рамках одного документа нескольких судебных и/или административных решений, относящихся к одной теме или тяжбе. Такие документальные подборки иллюстрируют применение какого-либо закона (P.Phil. 1, 124 г.; P.Tebt. 286, 121-138 г.; P.Würzb. 9, 161-169 г. и др.) или содержат набор прецедентов в решении какой-либо юридической проблемы (P.Cattaoui^{verso}, 114-142 г.; P.Оху. 3015, 120 г.; SB 7601, 135 г.; BGU 1085, после 177 г.; BGU 361, ок. 184 г. и др.). Тип документального досье возникает уже во второй половине I в.н.э. — об этом свидетельствуют P.Оху. 2757, P.Stras 226, P.Hamb. 29. В некоторых случаях досье могло состоять из нескольких протоколов, относящихся к одному процессу, таковы P.Mil.Vogl. 25+27 (126-128 г.) или BGU 388 (вторая пол. II в.). Наконец, по свидетельству папирусов SB 9050 (нач. II в.) и SB 12139 (II в.), документальные досье часто служили источником судебных прецедентов, которые затем использовались челобитчиками или судебными ораторами. Особую группу среди документальных досье занимают прошения, в которых процитированы более ранние материалы той же тяжбы. Таков, например, папирус SPP XXII 184 (140 г.), в текст которого инкорпорированы пять официальных документов. Материалы тяжбы включают в себя PSI 281^{recto} (после 143 г.) и SB 9016 (160 г.). Классическим же примером письменного обращения, в которое инкорпорированы материалы тяжбы и набор преце-

дентов, является «Прошение Дионисии» — P.Оху. 237 (186 г.). В нем мы встречаем четыре документальные подборки: одиннадцать документов тяжбы, отражающих предыдущие стадии разбирательства (занимают первые шесть колонок папируса) и три досье из судебных и административных прецедентов (VII.19-VIII.2; VIII.7-21; VIII.21 слл.). В некоторых случаях обращение к чиновнику могло состоять лишь из материалов судебного или административного разбирательства. Таково, к примеру, прошение SB 12087 (162 г.), написанное для того, чтобы довести решения вышестоящих администраторов до сведения стратега нома; оно содержит пять документов. P.Оху. 899^{recto} (200 г.) первоначально содержал девять судебных и административных решений, вынесенных по делу истицы. Verso того же папируса, сохранившееся крайне плохо, содержит не менее четырех документов, относящейся к похожей тяжбе. Существуют основания предполагать, что папирус P.Оху. 899 содержит подготовительные материалы для прошения, которое должно было включать в себя документы обеих тяжб. Следует обратить внимание, что подобное цитирование всех материалов судебного процесса (прошений, распоряжений, протоколов, показаний, писем) известно только в документах, написанных либо для того, чтобы довести до нижестоящего чиновника решения высших должностных лиц (SB 12087), либо с целью апелляции к высшим провинциальным чиновникам (P.Оху. 237). При этом важное свидетельство папируса P.Berol. 21652 (=SB XII 11043) показывает, что документальные досье не были исключительно египетским феноменом, но были распространены и в Палестине.

Сопоставление Деян 23-26 с папирусными известиями показывает, что расположение документов в рассказе Луки совпадает со структурой, характерной для «досье тяжбы». Это дает некоторые основания предположить, что Лука мог быть знаком с документальной подборкой, состоявшей из письма Клавдия Лисия и протоколов пяти судебных заседаний, которая дополняла или заменяла обычные апелляционные документы (*litterae dimissoriae*, ср. Деян 25:26b). Предположение о том, что досье из материалов кесарийского судебного про-

цесса могло быть приложено к *litterae dimissoriae*,⁹ заслуживает самого серьезного внимания. Оно отнюдь не кажется невозможным в свете сказанного выше и хорошо согласуется с повествованием Деяний. Фест открыто признает, что он не в силах составить необходимый апелляционный документ (Деян 25:24-27) и приглашает Агриппу помочь ему в этом (Деян 25:26). Но и экспертиза последнего не решает проблемы: рассказ о кесарийском процессе обрывается на том, что Агриппа провозглашает невиновность Павла (Деян 26:30-31). К формулировке того, что должно было быть внесено в *litterae dimissoriae*, судьи не приближаются, и затруднение Феста так и не разрешено. Отнюдь не кажется невероятным, что в тех условиях прокуратор мог отправить полное досье процесса, включавшее в себя не только документы, доступные Павлу как участнику процесса (протоколы суда Феликса или самого Феста), но и подборку сугубо внутренних материалов, в которую входило, к примеру, письмо Клавдия Лисия и выдержки из *commentarii* прокуратора (например, Деян 25:13-22).

Свидетельства о доступности процессуальной документации тяжущимся и всем заинтересованным лицам заставляют предполагать, что Лука при желании мог отыскать в архивах копии протоколов даже в том случае, если он не был спутником и/или ассессором апостола и не получил их по окончании суда над Павлом. Папирологический контекст, таким образом, свидетельствует в пользу гипотезы о том, что в основе судебных повествований в Деян 18, 24-26 могут быть положены подлинные документы. Этот вывод подтверждает историчность описанных в Деяниях судебных процессов и тем самым повышает доверие к древнейшим свидетельствам об истории христианства в I в.

* * *

К основному тексту диссертации примыкают два приложения, где излагаются основные результаты подготовительного источниковедческого исследова-

⁹ *Rapske, B.* The Book of Acts and Paul in Roman Custody. Grand Rapids, Carlisle, 1994. P. 183. Ср. также мнение Перри, полагавшего, что Деян 16-28 основано на подборке судебных прецедентов, специально составленной для римского суда над Павлом и дополненной дневниковыми материалами: *Perry, A.M.* Acts and the Roman Trial of Paul // *Harvard Theological Review*. 1924. Vol. 17. P. 195-196.

ния, на которое я опираюсь при анализе текста Деяний.

Приложение I. Формуляр римского судебного протокола. В этом разделе исследуется дошедший до нас корпус римских судебных протоколов и предпринимается попытка установить внутренние связи между различными группами входящих в него документов, определить их основные особенности и формальные черты.

I. Оригиналы и копии судебных протоколов. § 1. ὑπομνηματισμοί. Официальным оригиналом римского судебного отчета служили ежедневные служебные журналы провинциальных чиновников (*ὑπομνηματισμοί, commentarii*). Прямые (P.Aberd. 17, 105-106/138-139 г. н.э.; P.Tebt. 287, 161-169 г. н.э.; P.Par. 69 = W. Chr. 41, III в. н.э.; P.Dura 128, 245 г. н.э.; P.Oxy. 3741, 313 г. н.э.) и косвенные (P.Lips. 123, 136 г. н.э.; P.Oxy. 3569, 282 г. н.э.) данные позволяют реконструировать эволюцию этого документального типа в I-IV вв. н.э.

§ 2. ὑπομνηματισμοί и cognitio extraordinaria. В этом разделе рассматривается эволюция понятия ὑπομνηματισμός на протяжении эллинистического и римского времени («записка» — «подённый журнал» — «судебный протокол» — «вердикт») и объясняются причины, по которым именно это слово стало техническим термином для обозначения судебного протокола и/или вердикта. На мой взгляд, происходит это по той причине, что протоколирование судебных процессов, начинающееся после появления судопроизводства *extra ordinem*, на раннем этапе не имело специального оформления и производилось лишь в служебных журналах чиновников, которые отправляли правосудие.

§ 3. «Выписки из протоколов» и «копии протоколов». Корпус сохранившихся судебных протоколов делится на три неравные части. Среди тех документов, состояние которых позволяет нам судить об их первоначальном заглавии, к первой относятся 34 судебных отчета под заглавием ἐξ ὑπομνηματισμοῦ/ὑπομνηματισμῶν («Из журнала / журналов»), за которым следует имя чиновника, выступавшего судьей в данном иске. Ко второй группе документов, состоящей из 21 папируса, относятся протоколы, которым предпослан заголовок ἀντίγραφοι ὑπομνηματισμοῦ («копия журнала»), иногда с указанием имени су-

дья, (к этой же группе следует отнести и те документы, заглавие которых содержит слово ἀντίγραφοι). Наконец, в третью группу входит большинство судебных отчетов — документы, не имеющие какого-либо специального заголовка и открывающиеся непосредственно датой слушания. Коулз полагал, что между этими группами документов отсутствует какая-либо разница.¹⁰ Тем не менее, хотя употребление перечисленных вариантов заголовка и не подчинялось какой-либо строгой системе, а документы, относящиеся к разным группам, имели одинаковую юридическую силу, заглавие ἀντίγραφοι ἰπομνηματισμοῦ указывало на то, что такая копия протокола была официально заверенной.

§ 4. «Формулы сокращения» и точность копирования протоколов. Поскольку значительная часть сохранившихся документов представляют собой частные копии, возникает вопрос о том, насколько точным было копирование этих документов. Коулз допускал, что судебные протоколы могли подвергаться произвольным сокращениям при копировании.¹¹ Я оспариваю этот тезис, и, опираясь на многочисленные папирологические данные, собранные мною, доказываю, что производимые сокращения в тексте протоколов отмечались одной из трех стандартных формул (μεθ' ἑτέρα, μετ' ἄλλα, inter alia; ἐκ τῶν ῥηθέντων «из сказанного [на суде]»). Подобные оговоренные сокращения мы находим главным образом в документах, которые были инкорпорированы в состав документальных досье (подробнее этот вопрос обсуждается в приложении II).

II. Стенографическая запись судебных заседаний. С превращением Египта в одну из провинций римского государства формуляр судебного протокола претерпевает радикальное изменение: повествовательное изложение материала и синтаксические конструкции косвенной речи были заменены на oratio recta. По мнению Коулза, такая смена происходит благодаря развитию латинской стенографии, окончательно входящей в римский обиход самое позднее к середине I века н.э. и затем распространяющейся в Египте.¹² Ученый предполагал, что су-

ществующие судебные протоколы являются лишь сокращенными конспектами более полных стенографических отчетов, которые до нас по тем или иным причинам не дошли.¹³ По-видимому, обе эти гипотезы неверны: размеры и содержание судебного протокола были ограничены не использованием стенографии, но объемом ἰπομνηματισμοῦ; эволюция этого документального типа позволяет удовлетворительно объяснить основные черты судебных отчетов, не прибегая к гипотезе о создании и последующем редактировании стенограмм.

III. Формальные черты римских судебных протоколов (сводная таблица). В этом разделе реконструируется формуляр римских судебных протоколов I-II вв. н.э. на основании формкритического анализа 100 наиболее полно сохранившихся документов этого времени. В тексте выделяются три основных части — (1) Преамбула, в которой содержится заголовок документа, дата и место судебных слушаний, и иные второстепенные элементы; (2) Тяжущиеся — здесь выявлены особенности того, как вводятся имена сторон процесса и их адвокатов, какими рубриками предваряются выступления ораторов, в какой форме (прямой или косвенной речи) изложены их слова, и присутствуют ли в протоколе exordia произнесенных речей; (3) Удостоверяющие формулы и объем протокола — наличие или отсутствие пометки ἀνέγνω («прочитано») в конце протокола, указание на удостоверение документа печатью, количество строк в протоколе и средняя длина строки.

Приложение II. Судебный протокол в римском провинциальном судопроизводстве. В этом разделе рассматривается комплекс вопросов, связанных с тем, какую роль играли протоколы в судопроизводстве римского Египта.

I. О доступности судебных протоколов. Основываясь на анализе многочисленных папирологических данных, я прихожу к выводу о том, что судебные протоколы были доступны как тяжущимся сторонам, так и третьим лицам — всем тем, кто по каким-либо причинам желал иметь копию отчета о конкретном процессе. Удостоверенные копии протокола выдавались участникам слушаний

¹⁰ Coles. Op. cit. P. 30

¹¹ Ibid. P. 16.

¹² Ibid. P. 13.

¹³ Ibid. P. 9-10.

по окончании заседания. Сохранившиеся источники свидетельствуют о том, что в официальных архивах римского Египта можно было, заплатив определенную сумму, получить копию любого интересующего его протокола. Открытость судебных архивов подтверждается практикой использовать *exempla* и *praeiudicia* в качестве аргумента на суде, зафиксированной уже в I в. н.э.

II. Документальные досье римского времени. В этом разделе я рассматриваю особую категорию источников — документальные досье. Это специально составленные сборники, которые содержат императорские рескрипты, провинциальные эдикты, выписки из судебных протоколов, переписку должностных лиц и иные официальные документы, объединенные общей темой, — обычно довольно узкой проблемой, связанной с интерпретацией местного или римского права, представляющей определенное затруднение для челобитчика или адвоката, но при этом часто возникающей в судах римского Египта и потому постоянно актуальной. Досье тесно связаны с *exempla* и *praeiudicia*, которые попадали к тяжущимся через посредство таких подборок. Начало исследованию этого корпуса документов было положено Р.Кацовом (Katzoff),¹⁴ но его выводы нуждаются в некотором дополнении.

§ 1. «Закон и его применение». Кацов разделял все документальные досье на две группы; первую он назвал «закон и его применение».¹⁵ Досье такого типа, как правило, открываются официальным документом, содержащим некую спорную или затруднительную формулировку закона, за которым следует подборка судебных протоколов или прошений с наложенными на них резолюциями провинциальных чиновников (*ὑπογραφή*) или императоров (*subscriptio*). К документам этой группы относятся P.Stras. 22 (= M., Chr 374; III в. н.э.); P.Phil. 1 (после 124 г. н.э.); P.Würzb. 9 (161-169 г. н.э.)

Прочие досье Кацов относил к единой группе под неопределенно-широким

¹⁴ Katzoff, R. *Precedents in the Courts of Roman Egypt* // *Zeitschrift der Savigny-Stiftung für Rechtsgeschichte*. 1972. Bd. 89. S. 256-292.

¹⁵ *Ibid.* S. 282.

заглавием «решения различных чиновников».¹⁶ На мой взгляд, следует провести более тонкую градацию и разделить ее на два самостоятельных типа досье — тематические и прикладные.

§ 2. Тематические досье. Вторая группа досье построена по тематическому принципу. В нее входят подборки, составленные из документов, объединяемых стержневой темой и соединенных для практических целей. Иногда в досье, кроме судебных или административных прецедентов, включаются также материалы тяжбы, ради которой и было предположительно создано досье. В эту группу входит значительное число документов I-III вв. н.э., из которых наиболее важны P.Cattaoui^{verso} (= M., Chr. 372; 114-142 г. н.э.); P.Оху. 2757 (до 100 г. н.э.) и P.Оху. 3015 (около 120 г. н.э.). Такие досье получили широкое распространение уже в I в. н.э.

§ 3. Прикладные досье. Третью, пока еще недостаточно исследованную группу источников составляют прикладные досье. Сюда относятся папирусы, содержащие материалы конкретного судебного или административного разбирательства, цели которого и побудили составителя досье собрать документы воедино; иногда документам тяжбы сопутствует и набор прецедентов по делу. Наиболее известными подборками такого рода являются папирусы P.Fam.Tebt. 15 (114-115 гг. н.э.) и P.Fam.Tebt. 24 (124 г. н.э.); самое раннее досье такого типа — P.Yale inv 1528 (около 63 г. н.э.).

III. Документальные досье и прошения. Досье часто использовались челобитчиками, подававшими прошения на имя того или иного провинциального чиновника; я выделяю два основных способа составления таких подборок. К первой группе отнесены те, в которых документы соединены наподобие бусин, нанизанных на нитку: они образуют смысловую последовательность, однако не инкорпорированы друг в друга, а связи между ними показаны с помощью перекрестных ссылок. В таких прошениях довольно часто присутствуют редакторские связки, с помощью которых осуществляется переход от одного документа

¹⁶ *Ibid.* S. 282.

к другому (SPP XXII 184, 140 г. н.э.; PSI 281^{recto}, после 143 г. н.э. и др.). Анализ уникального «Прощения Дионисии» (P.Оху. 237, 186 г. н.э.) позволяет раскрыть механизм образования и последующего использования таких досье.

Ко второму типу относятся так называемые «прошения матрешечной структуры», в которых материалы тяжбы расположены не в порядке их очередности, но инкорпорированы один в другой, так что более ранние документы помещаются внутри более поздних. Из числа таких прошений наиболее важны SB XIV 12087 (162 г. н.э.) и особенно P.Оху. 899^{recto} (200 г. н.э.).

IV. Досье как источник судебных прецедентов. Папирусы SB VI 9050 (I-II вв. н.э.) и SB XIV 12139 (= P.Mich. inv 148^{verso}, II-III вв. н.э.), подробно рассмотренные в данном разделе, свидетельствуют, что документальные досье могли выступать в качестве источника документов, цитаты из которых включены в прошения.

Таким образом, папирусы I-III вв. н.э. свидетельствуют о широком распространении документальных досье. Число дошедших до нас документов такого рода достаточно велико; это заставляет предположить, что их составление, копирование и использование в качестве источника при составлении прошений и судебных речей было обычной практикой.

V. Судебный прецедент в римском Египте (I-III в. н.э.). В этом разделе рассмотрен вопрос о том, какую роль играли прецеденты (exempla) в судебной практике римского Востока и являлось ли римское провинциальное право прецедентным. После того, как Э. Вейсс (Weiß) и Г.Ф. Йолович (Jolowicz) доказали, что судебный прецедент играл весьма важную роль в провинциальном судопроизводстве римского Египта, Л. Венгер (Wenger) выдвинул тезис, согласно которому в этой провинции складывалось прецедентное право, в общих своих чертах подобное англосаксонскому. Оппонентами этой гипотезы, на короткое время получившей широкое распространение, выступили Г.-Ю. Вольф (Wolff) и Ж. Мелез-Моджеевский (Modrzejewski).

По мнению Кацова, о обращение к протоколам является риторическим приемом и в этом качестве не свидетельствует о какой-либо исключительной

роли судебного прецедента; причины же, по которым на рубеже I — начале II века н.э. возникает подобная практика, этот ученый объяснил так: (1) в республиканском Риме судебные прецеденты как свидетельства юридической нормы были равноценны мнениям юристов (responso prudentium), которые с течением времени вытеснили судебные прецеденты; (2) в условиях параллельного существования трех правовых систем (римской, птолемеевской и египетской), решения римского суда, выступали удобным свидетельством не только о действующей в данном случае правовой норме, но и о формах ее применения.¹⁷

Не оспаривая сделанного Кацовом вывода о риторическом значении прецедентов, я добавляю к его аргументации еще одно объяснение. По-видимому, тяжущиеся и челобитчики столь часто привлекали судебные решения в виде доказательства благодаря стечению трех обстоятельств:

(1) судья выносил вердикт, опираясь на мнение профессиональных юристов, которые консультировали его во время процесса, — следовательно, решение было юридически грамотным;

(2) суд в Египте вершил либо сам префект, действовавший ex auctoritate principis, либо его делегаты, — следовательно, судебное решение было освящено именем императора и в этом качестве обладало гораздо более высоким статусом, нежели responsum какого-либо юриста;

(3) подача прошения на высочайшее имя и получение императорской резолюции (subscriptio) была связана со многими, зачастую искусственно воздвигнутыми препятствиями, в то время как хорошо развитая система провинциальных архивов позволяла легко и быстро находить нужные для данного процесса прецеденты.

¹⁷ Ibid. S. 291.

Основные положения диссертации отражены

в следующих публикациях:

I. Публикация в журнале, включенном в «Перечень ведущих рецензируемых научных журналов и изданий, выпускаемых в Российской Федерации, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени доктора и кандидата наук»:

1. Браткин Д.А. Судебный прецедент в римском Египте (I–III вв. н.э.) // Вестник древней истории. 2008. № 3. С. 81-93.

II. Прочие публикации по теме диссертации:

2. Браткин Д.А. Христианские наставления или людская молва? // Теоретический семинар «Христианская культура на пороге третьего тысячелетия», студенческие научные чтения «Христианство в истории культуры и общества». Тезисы докладов и выступлений. СПб., 1999. С. 8–10.
3. Браткин Д.А. Деяния Апостолов и «Канон Муратори»: был ли Лука «знатоком закона»? // Ладога и Северная Евразия от Байкала до Ламанша. Связующие пути и организующие центры. VI Чтения памяти Анны Мачинской. Старая Ладога, 21–23 декабря 2001 года. Сборник статей. СПб., 2002. С. 87–98.
4. Браткин Д.А. Документальные досье из Египта и суд над апостолом Павлом в Деяниях (гл. 23–26): к постановке проблемы // Историческое источниковедение и проблемы вспомогательных исторических дисциплин. К 140-летию акад. Н.П. Лихачева и 100-летию Дома Н.П. Лихачева в Санкт-Петербурге. Тезисы докладов конференции. Санкт-Петербург, 3–5 декабря 2002 года. СПб., 2002. С. 16–18.
5. Браткин Д.А. К вопросу об интерпретации Деян 16:19-21 — экзорцизм апостола Павла с точки зрения римского законодательства. // Древнее право. Ius antiquum. 2004. № 1 (13). С. 91–96.

Подписано в печать 22.09.2008
Формат 60x84 1/16. Бумага офсетная. Печать офсетная.
Усл. печ. л. 2,0. Тираж 100 экз.
Заказ № 907.

Отпечатано в ООО «Издательство "ЛЕМА"»
199004, Россия, Санкт-Петербург,
В.О., Средний пр., д.24, тел./факс: 323-67-74
e-mail: izd_lemma@mail.ru